

Политическая обстановка в среде восточной ветви русской эмиграции: исторический аспект

Нина Васильевна Шульгина,
старший преподаватель
ШГН ДВФУ, Владивосток.
E-mail: istinatut@mail.ru

Главной особенностью русской послереволюционной эмиграции был её политический характер, что сказалось на менталитете диаспор, независимо от мест их локализации. Чувство этнического родства, связывавшее эмигрантов, подкреплялось общей политической позицией — неприятием Советской власти и установленной ею общественно-политической системы.

Ключевые слова: эмиграция, адаптация, политическая обстановка, восточная ветвь, политическая культура.

Politics in the environment of “east branch” of the Russian emigration: the historical aspect.

Nina V. Shulgina, senior lecturer, School of Humanities, FEFU, Vladivostok.

The main peculiarity of the post-revolutionary Russian emigration was its political nature, which affected the mentality of the Diaspora regardless of its location. A sense of ethnic kinship that united the immigrants was sustained by a common policy — opposition to the Soviet power and its social and political system.

Key words: emigration, adaptation, political environment, “east branch”, political culture.

После революции 1917 г. и победы Красной Армии в Гражданской войне много русских эмигрировало в восточные страны. Значительная их часть поселилась на территории Китая. На формирование и развитие российской эмиграции оказали влияние различные факторы: страна пребывания, политическая обстановка, отношение к эмиграции, материальное положение эмигрантов, условия адаптации и пр.

В новых условиях эмигранты столкнулись с серьёзными социально-бытовыми проблемами, но в большей мере всех волновало будущее: чем заниматься, что ждёт впереди, как жить дальше, какова будет судьба России? На эти вопросы пытались ответить многие политические деятели, союзы, сообщества. Объединяясь на основе единых политических взглядов, они начинали действовать и отстаивать свои точки зрения. Опираясь на исследования зарубежных и отечественных историков, политологов, обществоведов, таких как Дяо Шаохуа, А.А. Хисамутдинов, Б.Н. Фомин,

Е. Н. Чернолуцкая, Ю. Н. Ципкин, Л. Ф. Говердовская и других, мы предприняли попытку определить ту политическую среду, политическую культуру, где формировались новые движения, партии, течения.

Большое значение для правильного понимания и осмысления политических процессов в любом обществе имеет изучение политической культуры. Общее понятие политической культуры определяет её как часть духовной культуры общества, связанную с политическими процессами и общественно-политическими институтами. Как известно, политическая культура определяет и предписывает нормы поведения и правила игры в политической деятельности [1, с. 217]. Ценности и нормы политической культуры имеют решающее значение для жизнеспособности и сохранения единства любой политической системы. Мы попытались выявить те политические течения и направления, объединения и партии, которые оказывали решающее влияние на русскую часть эмигрантского населения. Китайские официальные власти не препятствовали политической деятельности эмигрантов, если она не выходила за рамки китайских законов. В этих условиях российские представители различных политических направлений получали уникальную возможность широко излагать свои идейно-теоретические взгляды. На практике это вылилось в рождение очень разных течений, повлиявших на судьбы тысяч эмигрантов в 20—40-х гг. XX в.

Оказавшись в изгнании, русские эмигранты решали не только вопросы материального существования, не менее значимой была духовно-нравственная сторона их жизни. К новым явлениям общественной жизни русских эмигрантов в Китае относились такие течения, как евразийство, сменовеховство, русский фашизм и пр. Газета «Свет» в 1922 г. писала, что в Китае «...действовали многочисленные общества, комитеты, союзы, товарищества, партийные группировки различных политических ориентаций» [2, с. 5]. При этом следует отметить, что в общественно-политическом отношении русские эмигранты не всегда находили взаимопонимание. С первых дней создания этих объединений их работа стала осложняться из-за противоречий между различными политическими группировками и их лидерами за первенство внутри российской диаспоры.

В русской эмиграции первой волны выделилось два основных направления политической деятельности: представители первого враждебно относились к Советской власти и искали пути её насильственного свержения, другие же — пути совместного с Советской властью существования и развития. Но большинство эмигрантов занимали выжидательную позицию.

К направлению, не принявшему Советскую власть, относилось правое крыло русской эмиграции первой волны, представленное монархическими и профашистскими организациями. Монархическое движение было одной из главных ветвей русской политической эмиграции 20—40-х гг. XX в., его лидеры ратовали за свержение советского режима путём вооружённого выступления оппозиционных сил.

Монархический лагерь не был консолидирован, в нём шли постоянные распри между следующими направлениями: легитимистами, т.е. сторонниками дома Романовых, конституционными монархистами и неболь-

шой группой сторонников парламентской монархии. Легитимисты в свою очередь раскололись на «николаевцев», выступавших за объединение вокруг двоюродного дяди Николая II великого князя Николая Николаевича, и на «кирилловцев» — сподвижников двоюродного брата царя великого князя Кирилла Владимировича, а после его смерти его сына Владимира Кирилловича. Кроме противостояния великих князей Николая Николаевича и Кирилла Владимировича, также имели место претензии на престол великого князя Дмитрия Павловича, которого поддерживала крайне правая часть эмигрантов. Также кандидатом на престол назывались бывшая императрица-мать Мария Фёдоровна, и даже король Югославии Александр [3, с. 211].

В дальневосточной эмиграции, по мнению исследователя Б.Н. Фомина, монархическое направление играло ведущую роль, ведь в 1920-х гг. именно в северо-восточных провинциях Китая скопились значительные остатки белых армий — колчаковской, семёновской, белых отрядов генералов К.П. Нечаева, И.П. Калмыкова, А.Н. Пепеляева, М.К. Дитерихса. Большинство царских офицеров, солдат, казаков этих армий стояли на монархических позициях. Вместе с эмигрантской интеллигенцией, проповедовавшей первые националистические идеи, они составляли костяк монархической эмиграции. Уже в 20-е гг. XX в. в Харбине, Шанхае, Тяньцзине и др. городах северо-восточного Китая появились монархические группы и организации [4, с. 31]. В начале 1920 г. в Харбине была основана монархическая организация — Славянское братство, целью которого ставились объединение и возрождение России. Покровителем и почётным председателем братства был Д.Л. Хорват, председателем отдела сельского хозяйства — Н.Л. Гондatti, председателем отдела славянского искусства — К.А. Хорват (супруга Д.Л. Хорвата). В организацию также входил епископ Мефодий, что свидетельствует о попытках наладить связи с православным духовенством. В Тяньцзине движение за славянское объединение усиленно проводил полковник А.Г. Бендерский. Эта организация по сравнению с харбинской была немногочисленна — в 1920 г. насчитывала всего 56 чел. [4, с. 31].

Среди монархистских организаций Китая наибольшее влияние имел Союз монархистов-легитимистов, именуемый также КИАФ — корпус имперской армии и флота. Возглавлял корпус В.А. Кислицын — представитель великого князя Кирилла Владимировича (поэтому членов Союза называли кирилловцами). Центр легитимистов находился в Западной Европе. Филиалы Союза существовали и в других местах Маньчжурии, главным образом в её восточной части (восточная ветвь КВЖД). Печатным органом кирилловцев была газета «Вера и верность». Организация Союза носила военный характер и состояла из штаба, начальника штаба, гражданской части, санитарной части, разведывательного отдела, военного училища для воспитания молодёжи. Союз легитимистов был довольно многочисленным, в Маньчжурии он насчитывал около 1000 чел. В дальневосточной эмиграции легитимисты были втянуты в сферу влияния Японии. Они вели для японцев разведывательную и контрразведывательную

работу. Однако в отношениях легитимистов и японцев не всё было благополучно. В 1933—1945 гг. на Восточной линии КВЖД было много арестов среди членов Союза легитимистов. Основная причина репрессий со стороны японцев заключалась в том, что члены дальневосточного Корпуса имперской армии и флота подчинялись европейскому центру, который находился вне японского контроля. Это послужило поводом для предъявления требований Союзу порвать связь с европейским центром. В Союзе в связи с этим произошёл раскол, так как часть членов отказалась подчиняться требованиям японцев. Однако генерал В.А. Кислицын решил этому требованию подчиниться, за что был лишён Кириллом Владимировичем всех чинов и наград.

Второй влиятельной монархической организацией, представленной в Харбине, был филиал Российского общевоинского союза (РОВС), созданный для сохранения белых воинских формирований 1 сентября 1924 г. бароном П.Н. Врангелем. Он сделал его ведущей военной структурой белой эмиграции. Члены союза считали, что гражданская война и борьба с Советской властью не закончены, а лишь временно приостановлены, что свержения большевизма нужно добиваться всеми возможными способами и что именно организованным монархическим силам суждено стать опорой национально-государственного и культурного возрождения будущей России. Они готовы были сотрудничать с любым государством, заинтересованным в свержении Советской власти и образовании на российской территории «общенационального управления». По мнению руководства РОВС, на Дальнем Востоке возглавлять белую армию должен был Г.М. Семёнов. Однако дальневосточный отдел РОВС возглавил генерал М.В. Ханжин, а затем бывший верховный правитель Приамурского земского края М.К. Дитерихс. Маньчжурским отделением командовал Г.А. Вержбицкий. Претендентом на российский престол члены РОВС видели великого князя Николая Николаевича. На судьбах дальневосточного отдела союза отражалась непримиримая борьба между претендентами на российский престол. В 1935 г. в РОВС произошёл открытый раскол, и отделения в Маньчжурии были поглощены Дальневосточным союзом военных.

4 февраля 1924 г. по инициативе и поддержке лидеров монархизма в Харбине была основана эмигрантская молодёжная организация — Союз мушкетёров. Союз был основан на базе спортивной молодёжной организации Санитас группой русской молодёжи в возрасте 18—20 лет (в основном учащимися первого реального училища в Харбине). Первоначально Союз мушкетёров был создан для организации драк с советской молодёжью Харбина. Позднее Союз приобрёл военный характер. Центр находился в Харбине, а филиалы в Шанхае, Сан-Франциско, Австралии и Европе. Больше всего мушкетёров было на Западной линии КВЖД. Первым начальником и организатором Союза мушкетёров был В.И. Гантимуров. Его сменил В.С. Барышников, который оставался на этом посту до 17 декабря 1937 г. Целью организации провозглашалась победа русского народа над коммунистами, а вехой на пути к намеченной цели считалась «активная, ударная борьба против Коминтерна», следовательно, перед Союзом

стояла задача подготовки военных и политических кадров [5, с. 17]. Одну из причин революции мушкетёры видели в недостатке духовно здоровых людей в российском государстве. И поэтому они ставили перед собой задачу «создания новой российской интеллигенции рыцарских начал, интеллигенции волевой и воспитанной в строгом понимании чести ношения русского имени» [6, с. 2—3]. Создавая отделения за рубежом, Союз предполагал подготовку кадров для дальнейшего внедрения их во Всероссийский Союз мушкетёров [7, с. 4]. Лозунг мушкетёров звучал следующим образом: «За Крест, за Родину, за Императора!». Они считали, что монарх должен быть из дома Романовых, но чистого легитимизма Союз не придерживался. Союз издавал журнал «Мушкетёр», были организованы курсы военной полготовки, где читались лекции и проводились практические занятия. В 1937 г. ЯВМ (японская военная миссия) предложила Союзу мушкетёров войти в состав Монархического объединения Б. Н. Шепунова и перестать быть самостоятельной организацией. Несмотря на нежелание большинства, мушкетёры вынуждены были подчиниться. В. С. Барышников и все кто был не согласен, вышли из Союза, но Союз, начальником которого был назначен С. Егупов, в состав Монархического объединения вошёл. В нём осталось всего несколько человек. После этого Союз не вёл никакой работы и фактически перестал существовать [5, с. 25].

В 1928 г. из состава русских скаутов в Америке (возглавляемых полковником Пантиховым) выделилась новое общественно-политическое формирование, в 1932 г. получившее название «Национальная организация русских разведчиков» (НОРР). Центр объединения находился в Париже его начальником являлся полковник П. Н. Богданович; шефом организации была великая княгиня Ксения Александровна. Отделы НОРР имелись в Болгарии, Югославии, Чехословакии, Тунисе, Австрии и Китае. На территории Маньчжурии НОРР возникла в виде Восточного отдела в 1934 г. Руководителями в Маньчжурии были Ю. Н. Лукин, подпоручик Б. А. Березовский, подполковник артиллерии А. П. Зелёной. НОРР, будучи организацией монархической, ставила своей задачей воспитание молодёжи в духе монархизма, непримиримой враждебности к советской власти, а также подготовку кадров для диверсионно-разведывательной деятельности иностранных разведок против СССР. Русских разведчиков обучали борьбе за монархию так, чтобы каждый из членов мог стать в будущем солдатом. Организация находила поддержку у японских властей.

3 июля 1920 г. в Шанхае состоялось учредительное собрание Союза служивших в российской армии и флоте. Первым председателем Союза был полковник штаба Дюсиметьер, а затем его сменил С. М. Тимиров. Первоначально Союз задумывался как аполитичная организация, хотя все его члены по понятным причинам враждебно относились к большевикам, ставили перед собой задачу освобождения родной земли от власти «преступного» Интернационала [8, с. 64—65]. К концу 1921 г. из-за финансовых неудач шанхайский Союз оказался на грани банкротства, и было решено коренным образом его реорганизовать [9, с. 265]. На общем собрании 9 января 1922 г. утвердили новый устав, в котором говорилось, что Союз является

организацией взаимопомощи служившим в российской армии и флоте, что он не преследует никаких политических целей, но не допускает в свои ряды большевиков и сочувствующих им. Однако оставаться вне политики членам Союза не удавалось. Как и все эмигранты, они были втянуты в политические акции (одни сознательно, другие против своей воли). В октябре 1925 г. Союз вошёл в состав образованного в конце 1924 г. в Западной Европе РОВС, признав великого князя Николая Николаевича верховным вождём и приняв его политические взгляды и программу. Вследствие произошедших событий 18 июня 1926 г. был изменён устав, по которому Союз объявлялся антибольшевистской организацией (т.е. активно противодействующей большевизму). В сентябре 1928 г. был учреждён дальневосточный отдел РОВС, Союз служивших в российской армии и флоте вошёл в его состав и стал непосредственно подчиняться его начальнику. Постепенно, к середине 30-х гг., все организации Союза, как и большинство других монархических эмигрантских организаций, сошли с политической арены.

Значительную часть русской диаспоры в Китае составляли казаки. На Дальнем Востоке оказались казаки Сибирского, Уральского, Оренбургского, Семиреченского, Донского, Енисейского, Иркутского, Забайкальского, Амурского и других войск, продвигавшиеся на восток с отдельными частями белой армии. Роль казачества в политической жизни восточной ветви русской эмиграции первой волны изучена дальневосточными учёными О.И. Сергеевым, С.Н. Савченко, А.И. Коваленко и др.

Среди казачьих союзов и организаций, существовавших к началу 1930-х гг. на территории Маньчжурии, наиболее активным был Союз казаков на Дальнем Востоке и бывших чинов дальневосточной армии, образованный в 1923 г. Лидером объединения был походный атаман генерал-лейтенант Г.М. Семёнов. Руководителем Союза в Маньчжурии был генерал-лейтенант А.П. Бакшеев. Союз состоял из имевшихся в Маньчжурии станиц и хуторов, которые входили в него со своими станичными или хуторскими правлениями. Правление Союза находилось в Харбине, отделения же располагались почти во всех крупных населённых пунктах Маньчжурии: Синьцзине, Мукдене, Дайрене, Цицикаре и др.

Союз казаков ставил следующие политические цели:

- 1) освобождение России из-под власти Коминтерна и восстановление в ней законности и порядка;
- 2) защита интересов казачества и закрепление его исконных прав в будущей Национальной России;
- 3) взаимная поддержка казачьих войск, укрепление казачьего единства, сохранение исторически сложившегося быта и уклада казачьей жизни и войсковых традиций [5, с. 79].

Печатным органом Союза был журнал «Казачий клич». Так как организация считалась не только политической партией, а военно-сословным объединением, то многие члены Союза одновременно состояли в фашистской партии. Большинство же казаков стремились к тому, чтобы будущий государственный строй вернул казакам все прежние привилегии и даже расширил их [5, с. 79].

17 декабря 1940 г. штаб Союза был переведён в Хайлар, в районе которого проживало больше всего казаков [10, с. 294]. К тому времени численность Союза достигла 18 400 чел. По примеру казаков Западной Европы и Харбина в апреле 1924 г. также был основан Казачий союз в Шанхае, созданный «с целью сохранения казачьего единства для отстаивания своего экономического и политического влияния в борьбе с большевиками и за свою жизнь, как в эмиграции, так и на Родине» [9, с. 106].

Для борьбы против Советского Союза казаки планировали использовать разнообразные пути: от организации политических провокаций, пограничных конфликтов, диверсий до вооружённых нападений на приграничные сёла, станицы и города. Нередко члены Союза участвовали в военных операциях реакционных китайских генералов [20, с. 63]. В 1920 г. солдаты и офицеры армии атамана Г. М. Семёнова, покинувшие пределы России, создали Союз чинов Дальневосточной армии. Начальником объединения был назначен генерал Бангерский (будущий военный министр в Литве). Организация не нашла пристанища в Харбине и была вынуждена переехать во Владивосток, где её деятельность свернулась в 1922 г. Оставшиеся члены Союза оказались в Маньчжурии, и БРЭМ решил воссоздать эту организацию, придав ей более военизированный характер: русские эмигранты надеялись с оружием в руках вернуться в Россию и свергнуть ненавистный режим [9, с. 68]. По инициативе японской военной миссии в 1935 г. при БРЭМ был сформирован Дальневосточный союз военных, который объединял бывших военнослужащих царской и белой армии, не вошедших в Союз казаков. В Дальневосточный союз военных вошли: легитимистское движение, Союз казаков на Дальнем Востоке, Российский фашистский союз, Союз мушкетёров и другие военизированные эмигрантские организации. Дальневосточный союз военных создавался в противовес Дальневосточному отделу РОВС [11, с. 30]. Начальником Союза стал В. А. Кислицын, начальником штаба — генерал-майор Сальников [12, с. 58]. Союз руководствовался лозунгом «За веру, царя и Отечество» и ставил целью изучение военного дела, поддержание воинской дисциплины и специальных военных знаний. В. А. Кислицын заявлял, что Дальневосточный союз военных является «корпоративной» организацией, чуждой всякой партийности, что в тех конкретных условиях было выражением крайнего антикоммунизма и антисоветизма. В уставе Союза было сказано об объединении военных и молодёжи, желавших сражаться против коммунизма [13, с. 26]. Для более эффективного управления Союз был разделён на 3 округа — Харбинский, Мукденский и Северокитайский, которые в свою очередь делились на 11 районов и 37 отделов. С 1938 г. Союз военных и БРЭМ фактически объединились под одним руководством. Это укрепило политическую силу движения в целом, сплотило участников Союза в борьбе за единые цели. В него вошли Союз казаков на Дальнем Востоке, Российский фашистский союз, Союз мушкетёров, Воткинско-Ижевское объединение военных, Общество замурцев, Объединение юнкеров Читинского военного училища и другие. Во главе объединения «Дальневосточный союз военных» стояли начальники БРЭМ генералы, участники белого движения А. П. Бакшеев,

В.А. Кислицын, Л.Ф. Власьевский, что означало установление абсолютного японского контроля над деятельностью военных белоэмигрантских организаций через БРЭМ. К концу 1935 г. в структуре союза было 9 районных отделений и 66 отделов. Самым крупным из них считался Харбинский район (отделение), в котором числилось 29 отделов: 15 стрелковых, особый, автопулемётный, 6 казачьих, кавалерийский, инженерный, мушкетёрский, читинский и отдел кавказских народностей [14, с. 44].

Одной из самых радикальных монархических организаций в эмиграции было Братство русской правды (БРП), возникшее в начале 1920-х гг. Её высшим руководящим центром — Верховный круг — находился в Берлине; восточный отдел организации располагался в Харбине. Печатным органом организации был журнал «Русская правда». Братство ставило целью уничтожение власти в Советском Союзе.

Наличие в монархической эмиграции нескольких центров, организаций, союзов и объединений породило несогласованность действий. Однако в 1920—30-е гг. разрозненные силы монархистов не оставляли попыток объединиться против Советской власти в одно мощное монархическое движение. Ещё в 1922 г. во Владивостоке существовал Комитет монархических организаций. После изгнания интервентов и белогвардейцев с территории Дальнего Востока по заданию японской разведки белогвардеец Б.Н. Шепунов развернул работу на Восточной линии КВЖД по объединению монархических организаций. До 1937 г. объединение существовало конспиративно, вся его деятельность была направлена на агентурную работу для японской разведки, борьбу с проникновением ГПУ в Маньчжурию. На станции Пограничная Монархическое объединение издавало свою газету «На границе» тиражом более 1 тыс. экземпляров. Газета распространялась за пределами Маньчжурии. В 1937 г. было разрешено официальное существование Монархического объединения, а в 1939 г. центр этого объединения с Восточной линии был переведён в Харбин. К середине 1939 г. представительства Монархического объединения были организованы в 22 пунктах Маньчжурии [15, с. 11]. В его состав вошли антисоветские белоэмигрантские организации монархического толка:

- 1) «Монархическая группа», составляющая ядро объединения и занимавшаяся подготовкой руководящих кадров монархистов;
- 2) Дальневосточный союз военных (ДВСВ);
- 3) Союз казаков в Восточной Сибири;
- 4) Национальная организация русских разведчиков (НОРР);
- 5) Союз мушкетёров Никиты Александровича;
- 6) Литературно-художественный кружок имени августейшего поэта Константина Романовича, ведший работу по монархическому воспитанию белоэмигрантских кругов.

Официально считалось, что высшим органом указанного объединения, направлявшим его работу, являлось Монархическое совещание, однако фактически деятельностью объединения руководили по указанию японской разведки Б.Н. Шепунов и его штаб. Монархическое объединение имело довольно разветвлённую сеть ячеек и на периферии Маньчжу-

рии. Его целью являлось соединение всех антисоветских белоэмигрантских организаций в Маньчжурии под лозунгом «За веру, царя и отечество» для борьбы с коммунизмом [5, с. 82].

В конце 20-х — начале 30-х гг. XX в. российская эмиграция переживает период увлечения фашизмом. В данный отрезок времени было создано около 15 эмигрантских политических организаций, именовавших себя «фашистскими» или «национал-революционерами». Их позиции, роль, деятельность в разных странах проживания российской эмиграции имели подчас существенные отличия, но основные политические и идеологические установки, социальная база, организационные принципы во многом совпадали [16, с. 150].

Из всех существовавших в эмиграции российских фашистских организаций наиболее сильные позиции были у «русских фашистов» в Маньчжурии, где имелось немало русских учебных, культурных и общественных заведений. В 1925 г. студенты и выпускники юридического факультета Харбинского политехнического института основали Российскую фашистскую организацию (РФО) [17, л. 10]. Более 15 лет руководителем организации был К.В. Родзаевский. Всего за период существования РФО (1931—1943 гг.) членами партии были около 30 тыс. человек [18, с. 92]. Печатным органом РФО являлась газета «Наш путь», нацеленная на пропаганду взглядов русского фашистского движения. В задачи созданной Российской фашистской организации входило объединение студенчества для борьбы с Советской властью, распространение и пропаганды антисоветских фашистских идей [5, с. 45]. В ноябре 1926 г. организация обнародовала фашистские «Наши требования», а чуть позже — «Тезисы русского фашизма» (автор Б.С. Румянцев), в которых кратко изложила основные положения деятельности, выявила свою идеологию и сформулировала свои стремления и где ставились конкретные задачи — «осуществление национальной революции в России, свержение Советской власти и установление фашистской диктатуры», представлявшейся им в виде сотрудничества капитала, под контролем государства и под девизом «Бог, нация, труд!» [20, с. 78].

В мае 1931 г. группа К.В. Родзаевского заявила о своём выходе из РФО и о создании ими русской национально-революционной партии — Русской фашистской партии (РФП). Был избран центральный комитет, образованы первичные организации, и не только в Маньчжурии, но и в других странах — в Европе, США и др. Для авторитетности был приглашён председатель народно-монархической партии генерал В.Д. Космин, который согласился стать во главе вновь созданной фашистской организации. Её генеральным секретарём и фактическим руководителем стал К.В. Родзаевский. РФП выдвигала следующие задачи:

- 1) создание на месте СССР — Российского Национального Трудового Фашистского государства;
- 2) перевоспитание народа на религиозно-национальных и трудовых началах;
- 3) подготовка к Всероссийскому Земскому собору, в котором будут представители всех народностей, населяющих Россию;

4) русское национальное строительство, создание крепкого и мощного Национального государства.

Одновременно в США под руководством А.А. Вонсяцкого, вождя русских американских фашистов, с мая 1933 г. начала функционировать Всероссийская (фашистская) национал-революционная партия (ВНРП) со своим журналом «Фашист». В апреле 1934 г. была предпринята попытка объединения русских фашистов Америки и Китая, а уже в начале мая 1934 г. было провозглашено создание Всероссийской фашистской партии (ВПФ). Было принято постановление о том, что партией будет руководить Центральный исполнительный комитет, временным местом пребывания которого был назван Харбин. А.А. Вонсяцкий был назначен председателем Комитета, а К.В. Родзаевский — товарищем председателя и генеральным секретарём. Высшим органом Всероссийской фашистской партии был съезд.

В 1937 г. ВФП переименовали в Российский фашистский союз (РФС). В июне 1939 г. на 4-м съезде РФС были представлены 48 отделов РФС, действовавших в 18 странах. Основные постановления съезда были опубликованы в периодических изданиях.

Эта организация была не единственным фашистским объединением российской эмиграции, существовало ещё около десятка других, более мелких группировок, называвшихся русскими фашистами и русскими национал-социалистами. Наиболее заметная из них — Рабоче-крестьянская казачья оппозиция русских фашистов в Харбине, или «Русские фашисты» (РККО — РФ), созданная в конце 1926 г. Её организатором стал кубанский казак П.О. Ковган. В программе, утверждённой 7 ноября 1927 г. Советом Оппозиции, РККО — РФ декларировали: «...РККО — РФ — это три кита, на которых стояла Россия 300 лет. Опираясь на эти три главные силы России с их лозунгами и желаниями, есть полная возможность свергнуть настоящих узурпаторов, поработивших Россию и русский народ...». РККО обратилась к правой эмиграции с призывом объединить усилия против большевистского режима. Но организация не смогла привлечь в свои ряды широкие массы русских эмигрантов и просуществовала до середины 1930-х гг.

С национал-революционным движением перекликались и классические националистические организации, имевшие в программных положениях идеологические моменты, схожие с фашистскими или национал-социалистическими. Примером такой организации может служить «Братство Белого Креста», которое провозглашало лозунги: «Россия для русских», «национальная революция», «национальные советы», «долой Совнарком» и Российская Всенародная Партия Националистов (РВПН) или «Росснаци».

Подводя итог деятельности ВФП в Маньчжурии, можно заключить, что она была одной из самых организованных эмигрантских партий на Дальнем Востоке. Русские фашисты имели чёткую идеологическую программу, конкретные цели и задачи, вели активную антисоветскую борьбу, получали поддержку аналогичных организаций в других странах. Им удалось создать собственные дочерние структуры (женские, юношеские и дет-

ские), в некоторой степени осуществлять контроль над профессиональными объединениями эмигрантов [19, с. 228].

В начале 1920-х гг. в русской эмиграции возникли общественно-политические течения, пытавшиеся найти принципиально новые формы взаимоотношений с существовавшей в России властью. Примером либерально-демократических движений и политических партий русской эмиграции первой волны могут служить: идейно-теоретические течения евразийцев и сменовеховцев, партии младороссов, солидаристов и кадетов. Одним из таких течений было сменовеховство, которое получило довольно широкое распространение. Ю.В. Ключников, А.В. Бобрищев-Пушкин, С.С. Лукьянов, Ю.Н. Потехин и другие ведущие его представители, в прошлом известные в белоэмигрантских кругах резким неприятием революции и большевизма, пришли к заключению, что необходимо отказаться от вооружённого противостояния с Советами и принять активное участие в хозяйственном и культурном возрождении России [120, с. 85]. Объединение получило наименование по названию сборника «Смена веx», вышедшего с 1921 г. в Праге. Сменовеховское течение в эмиграции было неоднородным: можно выделить в нём правое и левое крыло. Правое крыло представляли сменовеховцы дальневосточного зарубежья (Н.В. Устрялов и его сторонники), а левое — европейского (Ю. Ключников, С. Лукьянов и их последователи). Оба крыла объединяло признание необходимости прекращения вооружённой борьбы с большевиками и желание принять участие в возрождении России. В силу ряда причин сменовеховство так и не получило серьёзной социальной поддержки и не стало альтернативой большевизму. Оно было обречено на неудачу в попытке установления политического компромисса и ведении диалога на равных с Советской властью. Качественные и количественные потери сторонников сменовеховства в эмиграции в связи с их массовым отъездом в Россию, а также жестокая борьба с той частью эмиграции, которая не приняла сменовеховские идеи, и усилившиеся со второй половины 1920-х гг. политические гонения в России, привели к политическому краху этого идейно-теоретического течения.

Евразийство в 1920-е гг. имело немалый успех, что подтверждалось активной научной и публицистической деятельностью. Социальную основу евразийства составляла молодёжь: военная и академическая. Идеология евразийства содержала не только положения, которые могли стать основой политического компромисса с Советской властью, но и конкретную программу реализации политических мероприятий по реформированию существующего строя. Совмещение евразийских идеологических позиций с идеологией и практикой большевизма привело к отторжению евразийского движения эмигрантской интеллигенцией. Евразийцы создали целую сеть организаций, разбросанных практически по всей Европе. Противоречия внутри евразийства определили судьбу движения, оно распалось в конце 1920-х гг. на два течения. В основе раскола лежали разные ответы на вопрос о пути преодоления революции.

Лояльность к Советской власти проявляли и представители партии младороссов. Лозунгом младороссов был «Царь и Советы», в котором они хотели видеть соединение национальной традиции России, признание

результатов революции. Младоросская партия была основана в 1935 г. В Китае движение младороссов также имело место, хотя было немногочисленным и не сыграло заметной политической роли. Официальным органом этого движения была газета «Новый путь», выходившая с 1932 г. в Шанхае. Председателем дальневосточного отделения Союза младороссов «Новое поколение» являлся К.Л. Рубанов (псевдоним К. Леонидов). Печатным органом младороссов выступала еженедельная газета «Наша правда», которая помимо Китая распространялась также в Европе и Америке [9, с. 142]. В 1939 г. дело младороссов склонилось к закату, оказав незначительное влияние на дальневосточное русское зарубежье.

Неоднозначное отношение к Советской власти проявляли члены партии солидаристов. 1 июля 1930 г. в Белграде 14 представителей «организаций национально мыслящей молодёжи» российского зарубежья из Югославии, Франции, Болгарии, Чехословакии и Голландии собрались, чтобы основать Национальный союз русской молодёжи. В него вскоре вошли отделы в Польше, Бельгии, на Дальнем Востоке. Был принят устав, учреждён совет Союза и его исполнительное бюро. Съезд наметил программу национально-политической подготовки и принял «Идеологические положения». В Китае отдел НТС был организован в 1935 г. в результате слияния с Союзом русской молодёжи. Идеолог дальневосточного солидаризма Г.К. Гинс и его единомышленники немало сделали для развития политической мысли русского зарубежья. Они занимались издательской деятельностью, публицистикой, преподавательской работой. Но во время японской оккупации Маньчжурии их деятельность была парализована.

В русской эмиграции первой волны вели деятельность и такие социалистические партии, как партии меньшевиков, эсеров, энесов, которые занимали в своей массе позиции «третьей силы», т.е. пытались бороться как с крайне правыми монархистами, фашистами и их партиями, так и против РКП(б) и советского режима. Но они не имели притока новых членов. Эффективной деятельности этих партий мешали раскол, амбиции отдельных руководителей и ряд других причин.

В 30—40-е гг. XX в. российская эмиграция в Маньчжурии переживала сложный период своей истории, связанный с японской оккупацией и Второй мировой войной. Японские власти установили жёсткий контроль над всеми сферами жизнедеятельности российской колонии, прекратили многолетние распри между эмигрантскими группировками и их лидерами, выслали за пределы Маньчжоу-Ди-Го неблагонадёжных, а остальную массу объединили под руководством Бюро по делам российских эмигрантов.

Одна из наиболее активно действовавших антисоветских организаций эмигрантов в Китае, Русская фашистская партия К.В. Родзаевского, летом 1936 г. создала в Харбине собственный диверсионно-разведывательный отряд «Спасение Родины» во главе с М.П. Маслаковым, бывшим телохранителем Родзаевского. В отряде насчитывалось до пятидесяти подготовленных бойцов под руководством японского офицера Судзуки. К контрразведывательной деятельности среди эмигрантов была привлечена популярная молодёжная организация Союз мушкетёров. Созданная во второй половине 1930-х гг., она получила новые ориентиры в работе —

усиленно заниматься физической и военной подготовкой для грядущей борьбы с мировым коммунизмом. При этом особое внимание уделялось таким видам контрразведывательной деятельности, как сбор сведений о настроениях советской колонии, советских учреждений и организаций, тайной работе советского консульства; выявление лиц, связанных с советской контрразведкой; разработка эмигрантов, нелояльных к японцам. Также они занимались сбором сведений о жизни русской эмиграции, интересующих японскую сторону и др. Такие доклады составлялись в японской военной миссии разными способами: через официальные запросы и местную прессу и неофициально, с помощью агентов, делавших основную работу [5, с. 100—101].

В апреле 1940 г. император Маньчжоу-Ди-Го объявил о введении в стране всеобщей воинской повинности, по которой и русские эмигранты стали проходить военную службу в специальных воинских подразделениях, называвшихся «русскими воинскими отрядами армии Маньчжоу-Ди-Го». При формировании военных подразделений особое внимание уделялось молодёжи, которая к тому времени не имела прочных идейных ориентиров. Повсеместно создавались скаутские отряды, при Главном бюро по делам российских эмигрантов существовала «Национальная организация русских разведчиков» с тремя отделениями: детское, юношеское и взрослое. Под руководством бывших белых офицеров молодёжь проходила теоретический и практический курс военной подготовки, тем самым готовясь к тайной войне против Советского Союза [21, с. 21]. Согласно инструкции по военно-воспитательной подготовке на 1944 г. молодёжь необходимо было воспитывать в духе строгой дисциплины, выносливости и настойчивости. Военно-воспитательная подготовка должна быть тесно связана с системой воспитания в школах и организациях молодёжи. Что же касается военной части, то содержание занятия должно было быть приближено к действительно боевой и полевой обстановке. В ней же говорилось и о военно-воспитательной подготовке девушек [22, Л. 2]. Такими способами японские оккупационные власти пытались задействовать всё население российской колонии, которое можно было использовать в качестве союзника в предстоящей борьбе с СССР, а заодно и с мировым коммунизмом.

Начало Второй мировой войны по-разному было воспринято русской эмиграцией. Её политическая активная часть приветствовала войну и участие в ней Японии, надеясь, что с помощью иностранных штыков удастся сломить коммунистов.

Русскому эмигрантскому населению Маньчжурии с трудом удавалось получать правдивую информацию о положении дел на советско-германском фронте, так как эмигрантская пресса находилась под жесточайшим контролем японских властей. События Второй мировой войны освещались средствами информации так, как это считала нужным японская сторона. Больше других изданий антисоветскую направленность имел литературно-художественный «Рубеж». В нём вплоть до 25 июля 1945 г. помещались статьи о замечательных победах японской армии и говорилось о долге: «осуществить мощную политику решительной стадии войны, чтобы обеспечить защиту наиболее совершенной мобилизации

национальных сил и сокрушить врага, в злобном своём ослеплении стремящегося добиться мировой гегемонии» [23, с. 21].

Таким образом, отличительной чертой русской эмиграции первой волны был её политический характер. В среде эмигрантов развивалось два основных направления политической деятельности: представители первого враждебно относились к Советской власти и искали возможность насильственно её свергнуть, представители другого стремились к совместному с Советской властью существованию и развитию. Значительная группа эмигрантов занимала выжидательную позицию.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Политология: словарь-справочник. М.: Гардарики, 2001. 328 с.
2. Свет. Харбин. 1922. 06 июня.
3. Гросул В.Я. Русская военная эмиграция 20—40-х гг. // Отечественная история. 1999. № 3. С. 211.
4. Фомин Б.Н. Борьба политических партий на Дальнем Востоке в 1917—1925 гг. М., 1997. 130 с.
5. Чернолуцкая Е.Н. Российская эмиграция в Маньчжурии: военно-политическая деятельность (1920—1945 гг.): сб. док-в. Южно-Сахалинск, 1994. 151 с.
6. Барышников В.С. Пути исполнения долга перед Россией // Мушкетёр. 1936. № 4. С. 2—3.
7. Грач Б. Перед рассветом // Мушкетёр. 1932. № 8. С. 4.
8. Жиганов Ц.Д. Русские в Шанхае. Альбом. Шанхай, 1936. 220 с.
9. Хисамутдинов А.А. Российская эмиграция в Китае: опыт энциклопедии. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2002. 360 с.
10. Великая Маньчжурская империя. К десятилетнему юбилею. Харбин, 1942. 417 с.
11. Ципкин Ю.Н. Маньчжурская эмиграция: раскол и попытки объединения военных кругов // Российская эмиграция на Дальнем Востоке. Владивосток, 2000. С. 28—36.
12. ГАХК (Гос. арх. Хабаровского края). Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 40799. Л. 58.
13. ГАХК (Гос. арх. Хабаровского края). Ф. Р-830. Оп. 1. Д. 55. Л. 26.
14. Аурилене Е.Е. Русские в Маньчжоу-Ди-Го: эмигрантское правительство. Хабаровск, 2004. 128 с.
15. ГАХК (Гос. арх. Хабаровского края). Ф. Р-830. Оп. 1. Д. 23. Л. 11.
16. Онегина С.В. Российский фашистский союз в Маньчжурии и его зарубежные связи // Вопросы истории. 1997. № 7. С. 150—160.
17. ГАХК (Гос. арх. Хабаровского края). Ф. 830. Оп. 1. Д. 23. Л. 10.
18. Лазарева С.И. Патриотизм российских эмигрантов в Маньчжурии (20—30-е гг. XX в.) // Россия и АТР. 2000. № 2. С. 88—93.
19. Аблова Н.Е. История КВЖД и российская эмиграция в Китае (первая половина XX в.). Минск, 1999. 316 с.
20. Говердовская Л.Ф. Общественно-политическая и культурная деятельность русской эмиграции в Китае в 1917—1931 гг. М., 2000. 176 с.
21. Василенко Н.А. Российская эмиграция в Маньчжурии накануне и в годы Второй мировой войны // Россия и АТР. 2005. № 2. С. 22—23.
22. ГАХК (Гос. арх. Хабаровского края). Ф. 830. Оп. 1. Д. 76. Л. 2.
23. Баранова А.Н. Военно-политическая деятельность российской эмиграции в Маньчжурии накануне и в годы Второй мировой войны // Актуальные проблемы исследования истории КВЖД и российской эмиграции в Китае. Хабаровск: Изд-во ДВГГУ, 2008. С. 21.